А. С. Лобанова, Р. В. Гайдамашко

ПОКАЗАТЕЛИ СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ КОНЦА XVIII ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РУКОПИСНЫХ СЛОВАРЕЙ ПРОТОИЕРЕЯ АНТОНИЯ ПОПОВА)¹

В статье представлен фрагмент лингвистического анализа памятников ранней коми-пермяцкой письменности — рукописей протоиерея Антония Попова (1748–1788), которые датированы 1785 годом и на данный момент известны как первые фундаментальные труды по пермяцкому языкознанию — опыт грамматики и два словаря — алфавитный и тематический. Эти рукописи до сих пор не изданы и исследованы в недостаточной степени. Цель настоящего исследования — выявить и проанализировать показатели словоизменительных грамматических значений в коми-пермяцком языке конца XVIII века на материале словарей А. Попова. В сопоставительном и ареальном аспектах рассматриваются показатели коми-пермяцких словоизменительных грамматических значений следующих категорий: а) число имен, б) падеж, в) лично-притяжательность, г) время. В большинстве своем они идентичны современным грамматическим формам и грамматическим значениям, однако есть и любопытные особенности.

Суффикс множественного числа имени существительного представлен в рукописях А. Попова более архаичным вариантом [jes] (при современном [ez]), который еще во второй половине XX в. фиксировался в различных говорах коми языкового континуума, преимущественно периферийных.

В рукописях зафиксирован широкий спектр падежных показателей: вместе с номинативом представлены еще десять падежных форм (из них семь — местные падежи, реализующие пространственную семантику, так называемые внутриместные и внешнеместные падежи). Словоизменительные показатели со свойственными им значениями «спрятаны» в составе наречий, серийных послелогов и отчасти числительных, а показатель лишительного падежа оформлен отдельной словарной статьей как предлог. Обращает на себя внимание грамматический показатель переходного падежа *-ты* — в современном коми-пермяцком языке семантика данного падежа реализуется формой *-от*.

Показатели представленной в работах категории лично-притяжательности сходны с современными семантическими и грамматическими показателями. Данная словоизменительная категория реализуется суффиксами *-мъ* (возм. *-е*), *-тъ*, *-съ*, *-нымъ*, *-нйтъ*, *-нысь* (при современных *-о* ‘мой’, *-ыт* ‘твой’, *-ыс* ‘его’, *-ным* ‘наш’, *-нит* ‘ваш’, *-ныс* ‘их’).

Словоизменительные формы глаголов, зафиксированные в рукописях А. Попова, демонстрируют настоящее, будущее, прошедшее очевидное и прошедшее неочевидное времена; показан фрагмент будущего сложного времени. Не удалось обнаружить хотя бы элементы аналитического прошедшего времени. Показатели всех обозначенных времен тождественны соответствующим показателям в современном коми-пермяцком языке.

Настоящая статья является не только вкладом в изучение финно-угорского рукописного наследия, но и скромным шагом на пути к разработке исторической грамматики коми-пермяцкого языка.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, рукописи XVIII века, грамматика, словари, показатели словоизменительных грамматических значений, число имен, падеж, лично-притяжательность, время.

Введение

Коми-пермяцкий (или просто — пермяцкий) язык относится к пермской группе финно-угорских языков, имеет свою литературную норму и является языком общения коми-пермяков, проживающих на северо-западе Пермского края и на прилегающей территории

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00774а.

Кировской области. Уровень жизнеспособности пермяцкого языка небезосновательно оценивается ЮНЕСКО как “definitely endangered” («есть угроза исчезновения») — если полагаться на официальные данные Всероссийских переписей населения, количество носителей стремительно сокращается — с 94328 в 2002 г. до 63106 в 2010 г.

При этом многие отдельные аспекты коми-пермяцкого языка по-прежнему если и изучены, то явно в недостаточной степени. Плачевно положение дел и с исследованием памятников пермяцкой письменности. Несмотря на то, что история коми-пермяцкой письменности относительно молода², на сегодняшний день известно как минимум о 60³ рукописных и старопечатных памятниках досоветского времени, содержащих коми-пермяцкий языковой материал (Оньё Лав, 2020). К сожалению, почти все они до сих пор не изданы и не изучены как следует. Из их числа к настоящему моменту специальных публикаций удостоились только рукописные русско-коми-пермяцкий словарь Ф. А. Волегова 1833 г. (Rédei, 1968) (без факсимиле рукописи и по небезупречному списку Антала Регули) и грамматический очерк Ф. Любимова 1838 г. (Любимов, 2007).

К числу ценнейших памятников ранней коми-пермяцкой письменности относятся рукописи протоиерея Антония Попова (1748–1788), датированные 1785 годом и на данный момент известные как первые фундаментальные труды по пермяцкому языкознанию — опыт грамматики (Попов, 1785в) и два словаря — алфавитный (Попов, 1785а) и тематический (Попов, 1785б). Эти рукописи хранятся в Эрмитажном собрании Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, до сих пор не изданы и исследованы в недостаточной степени. Между тем, они имеют большое значение для изучения графики, лексики и исторической грамматики пермских языков, при сравнительно-исторических, сопоставительных, типологических, палеографических, текстологических, лексикографических и прочих исследованиях на финно-угорском и более широком языковом фоне.

В алфавитном словаре Антония Попова 2522 словарные статьи, в тематическом — 1318 статей, распределенных по 11 разделам. При этом состав пермяцких словников в обоих словарях не идентичен. Грамматический очерк написан на русском языке, состоит из предисловия и восьми глав. Несмотря на то, что он краток и выполнен по образцу русских грамматик того времени, тем не менее, в нем нашли отражение многие особенности грамматики пермяцкого языка.

Ранее были рассмотрены некоторые особенности именных частей речи в грамматическом очерке протоиерея Антония Попова, в частности: а) приведены выделяемые автором рукописи пять падежей именных частей речи, б) установлены еще шесть падежных показателей, называемые Поповым предлогами, в) выявлены показатели лично-притяжательного склонения, г) рассмотрены показатели степеней сравнения прилагательных, д) перечислены способы образования отыменных и отглагольных имен, е) обсуждены особенности употребления и склонения числительных и местоимений, и некоторые другие (Пономарева, Гайдамашко, 2019).

Цель настоящей статьи — выявить и проанализировать показатели словоизменительных грамматических значений в коми-пермяцком языке на материале словарей Антония Попова, то есть в имплицитном выражении (в отличие от грамматического очерка). В сопоста-

² Отсчет можно вести не ранее чем с 1705 г., то есть со времени второго издания знаменитой книги Н. Витсена, где был помещен текст молитвы «Отче наш» на «пермяцком» языке (“Het Gebed onzes Heeren, in de Tael van Permien”) (Witsen, 1705: 811–812). Среди языковедов, изучавших этот текст, нет единого мнения относительно его языковой принадлежности. Некоторую подборку литературы по вопросу см.: (Пономарева, Грейдан, 2020: 122).

³ Так как в ходе работы с коми-пермяцкими рукописями Антония Попова в разных архивах и библиотеках одним из участников проекта А. Н. Левичкиным были случайно обнаружены списки сравнительно больших пермяцких словарей первой половины XIX в., неизвестных ранее, это число будет только увеличиваться.

вительном и ареальном аспектах рассматриваются специфические показатели коми-пермяцких словоизменительных грамматических значений следующих категорий: а) число имен, б) падеж, в) лично-притяжательность, г) время.

Среди методов и подходов, применяемых в настоящем исследовании: а) методы исторического познания, б) эмпирический метод, в) методы и приемы сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания, г) методы лингвистической географии. Показатели пермяцких словоизменительных грамматических значений, выявленные в словарях А. Попова, сравниваются с материалом других более поздних источников по коми-пермяцкому языку, а также сопоставляются с данными коми-пермяцкого литературного языка и современных коми диалектов.

При пермяцких существительных в алфавитном словаре А. Попова приведено указание на окончание родительного падежа *-лэнь* (совр. *-лӧн*), которое опущено в настоящей публикации. Формы слов и толкования из всех источников процитированы без изменений. Французские кавычки («») указывают на сохранение орфографии и пунктуации источника (включая описки).

1. Категория числа имен

Имена существительные в словарях Антония Попова приведены в форме единственного числа, однако незначительное количество слов этой части речи дано во множественном числе:

(1) *гъжъэсь* «кокти» (Попов, 1785а: л. 12об.), но *гъжъэсь* «когти» (Попов, 1785б: л. 19), ср. совр. *гыж* 'ноготь, ногти', 'коготь, когти', 'копыто, копыта', мн. *гыжжез* (КПРС: 111).

(2) *кёръэсь* «желѣзы, кандалы» (Попов, 1785а: л. 18об.), при совр. *кӧрт* 'железо || железный', 'железная деталь чего-л., железка' (КПРС: 193). Полагаем, что здесь автором допущена описка (должно быть *кёртъэсь*), ведь предыдущая словарная статья оформлена совершенно правильно: *кёртъ* «желѣзо, желѣзный» (Попов, 1785а: л. 18об.).

(3) *мольэсь* «мольки /рыба/» (Попов, 1785а: л. 27об.), но *мольэсь* (Попов, 1785б: л. 22), при совр. диал. *мольга* 'мелкая рыба; мальки', мн. *мольгаыс* (КПРС: 252).

(4) *нӧлланьэсь* «носилки» (Попов, 1785а: л. 30об.), но *нолланъэсь* (Попов, 1785б: л. 28), при совр. *нӧвйыны*, сев. *нӧлйыны*, *нӧллыны* 'носить, переносить, разносить; таскать; перевозить', а также *новйӧм* (и. д. от *новйыны*) 'ношение, носка', 'возка, носка, перенос, переноска', *новйӧтӧм* (и. д. от *новйыны*) 'ношение' (КПРС: 275, 276).

(5) *пидътэсьэсь* *вълэсултны* «колѣна преклонить» (Попов, 1785а: л. 35об.), ср. совр. *пидӧс* 'колени, колени || коленный' (КПРС: 337), мн. *пидӧссэз*, *вылӧ* 'на' (КПРС: 92) и *сӧвтны*, сев. *сӧлтны* 'вставать, встать, подняться', 'ступать, ступить; стать' (КПРС: 455).

(6) *пӧнь* *вужъэсь* «десны» (Попов, 1785а: л. 35об.), ср. *пӧнвужъэсь* (Попов, 1785б: л. 6об.), при совр. *пӧнь* *вуж* 'корень зуба', мн. *вужжез* (КПРС: 87).

(7) *страстьэсь* «страсти» (Попов, 1785б: л. 9), при совр. *стрась* 'страсть, ужас' (КПРС: 452).

(8) *ӧшланьэсь* «вѣсы» (Попов, 1785а: л. 53об.), при совр. *ӧшлыны* 'вешать, развешать, развешивать что-л.', 'вешать (на весах), взвесить, отвесить', а также *ӧшлӧм* (и. д. от *ӧшлыны*) 'развешивание', 'взвешивание' (КПРС: 309).

Также в тематическом словаре встретился один пример на множественное число имени прилагательного:

(9) *кыкъ* *чужемаэсь* «близнецы двойни» (Попов, 1785б: л. 13об.), при совр. *кык* 'два' (КПРС: 210) и прилагательное в форме множественного числа *чужӧмаӧсь*, где *чужӧм* — 'лицо' (КПРС: 544), *-а* — словообразовательный суффикс, *-ӧсь* — суффикс множественного числа.

Если учитывать только имена существительные, без последней лексемы, в восьми примерах приведено 12 разных вариантов из словарей А. Попова. Среди них встречаются следующие варианты показателей множественного числа (в скобках указано количество фиксаций): *-есь* (4), *-эсь* (7), *-эсь* (1). Для удобства все варианты с указанием позиции сведены далее в одну таблицу. Единственный вариант с ериком (*ь*) в ауслауте (*мольэсь*) приравнен к вариантам с ером (*ь*), так как в рукописях А. Попова часто эти буквы похожи одна на другую и смешиваются. При этом в таблице учитывается постанова ера или ерика после основы слова, оканчивающейся на согласный звук, так как они должны указывать на соответственно палатализованность или непалатализованность ауслаута этой основы.

	-ес		-эс	
	-(ь)есь	-(ь)есь	-(ь)эсь	-(ь)эсь
после твердой основы	гїжъесь	нóлланьесь	гїжъэсь, кёръэсь, нолланьэсь, пїнь вўжъэсь	пїдзъсьэсь, пїнвужъэсь
после мягкой основы		мóльесь, эшланьесь		мольэсь, страстьэсь

Большинство примеров (восемь) — на твердую основу. Половина из них закономерно имеет ер на конце основы и суффикс *-эсь*, остальная половина являет разнообразие вариантов: *ь + -есь*, *ь + -есь*, *ь + -эсь*. Четыре примера на мягкую основу также закономерно имеют ерик на конце основы, но поделены поровну между вариантами *-есь* и *-эсь*. Во всех приведенных примерах ауслаутный согласный — глухой [s], а также в большей части примеров гласный в суффиксах — йотированный (см. *гїжъесь*, *мóльесь*, *нóлланьесь*, *пїдзъсьэсь*, *пїнвужъэсь*, *страстьэсь*, *эшланьесь*). Всё это прямо или косвенно может указывать на то, что в словарях А. Попова отражен вариант суффикса с фонетическим обликом [jes].

В грамматическом очерке А. Попова в качестве суффикса номинатива множественного числа имен существительных эксплицитно предложен вариант *-эсь*: «именительный единственного числа имѣть /§ 7/ разныя окончанія; во множественномъ числѣ всегда кончится на эсь» (Попов, 1785в: л. 5). См. также в парадигмах склонения: (Попов, 1785в: л. 6–6об.). Подробно об этом показателе в грамматическом очерке и сходный вывод о том, что в рукописях Попова представлен вариант [jes], см.: (Пономарева, Гайдамашко, 2019: 49).

В современном коми-пермяцком литературном языке показателем множественного числа имени существительного выступает суффикс *-эз* (или в зависимости от качества предшествующего звука орфографический вариант *-ез*), а также его усеченная форма *-э* (или *-е*).

Вариант [jes], по нашему мнению, архаичнее вариантов [jez] и более того [ez], в пользу чего говорят данные удмуртского (суффикс множественного числа имен существительных [jos]) и коми-зырянского (суффикс [jas]) языков. Во второй половине XX в. глухие и йотированные варианты этого суффикса фиксировались в различных говорах коми языкового континуума: *-йэс* (*-эс*) — в верхневашском говоре удорского диалекта коми-зырянского языка, нердвинском диалекте южного наречия и верхнекамском наречии коми-пермяцкого языка (то есть в периферийных коми идиомах), *-йэз* — на восточных рубежах коми-пермяцких диалектов — в мысовско-лупьинском, косинско-камском и нижеиньвенском, а *-йөз* — в коми-язьвинском языке (Баталова, 1982: 81–85).

Таким образом, показатель номинатива множественного числа имени существительного *-эсь* (вариант *-есь*) анализируемых источников может являться дополнительным подтверждением того, что в рукописях Антония Попова отражен один из вымерших эловых диалек-

тов пермяцкого языка, некогда бытовавших на территории бывшей Перми Великой (условно между Чердыню и Усольем).

2. Категория падежа

Современный коми-пермяцкий язык, как и многие другие финно-угорские языки, характеризуется развитой падежной системой. Значительная часть падежей реализует семантику пространственных отношений: до предмета, от предмета, из предмета, внутрь предмета, по предмету и др. В литературном языке выделяется 17 падежей, в диалектах это количество значительно больше — до 28 падежных форм. Р. М. Баталова не раз писала о причинах увеличения количества падежей в языке, основным среди которых является переход двух серийных послелогов с основой на *выл*— и *дын*— в падежные показатели (Баталова, 1975: 136–141; 1998: 30–34).

Дореволюционных грамматик по пермяцкому языку было составлено, судя по всему, незначительное количество. Поскольку их авторами были носители русского языка и в то же время они не являлись специалистами по языку, то и падежную систему описывали по образцу своего родного языка. См., например, «Краткие грамматические правила, принадлежащие к знанию пермяцкого языка» Ф. Любимова 1823 года и достаточно суровые Примечания к ним А. М. Шёгрена (Любимов, 2007). Напротив, в грамматике Н. А. Рогова (Рогов, 1860) показана очень близкая к современному языку падежная система.

На этом фоне ценными являются словари А. Попова, в которых самый богатый и разнообразный словоизменительный материал представлен грамматической категорией падежа. Как и следовало ожидать, падежные показатели со свойственными им значениями «спрятаны» в составе наречий, серийных послелогов и отчасти числительных, а показатель лишительного падежа автор посчитал за самостоятельный предлог и оформил с ним словарную статью. Все обнаруженные грамматические формы и сегодня употребительны в речи (с учетом, конечно, несоответствий с современными нормами орфографии).

В алфавитном словаре А. Попова зафиксированы формы следующих падежей (для сравнения приводятся формы и из грамматического очерка):

1) родительный (только у местоимения) — *мэнамъ* мѣстоимѣніе «мой» (Попов, 1785а: л. 27), ср. *мѣнамъ* (Попов, 1785в: л. 11, 16), *мэнамъ* или *мѣамъ* (Попов, 1785в: л. 12об.) // ср. совр. *менам* при местоимении первого лица единственного числа *ме* и суффиксе *-ам* (КПРС: 606).

2) творительный (только в застывшей форме в составе наречий) — *нѣунаемъ* нарѣчіе «помалу» (Попов, 1785а: л. 31), *сѣорень* нарѣчіе «поздо» (Попов, 1785а: л. 41) // ср. совр. *нѣвнаѡн* «понемногу» (КПРС: 268), *сѣрѡн* «поздно» (КПРС: 426) при суффиксе *-ѡн* (КПРС: 599).

3) лишительный (только в самостоятельном употреблении) — *тѣгъ* предлогъ «кромѣ безъ» (Попов, 1785а: л. 44об.; 1785в: л. 31об.) // при совр. суффиксе *-тѡг* (КПРС: 599).

4) местный — *вѣлдерынъ* предлогъ «выше» (Попов, 1785а: л. 6об.; 1785в: л. 32об.) // ср. совр. лит. *вѣвдѡрын*[, сев. *вѣлдѡрын*] «наверху», «над поверхностью чего-л.» (КПРС: 59) при суффиксе *-ын* (КПРС: 599).

5) исходный — *кытысь* нарѣчіе «откуда» (Попов, 1785а: л. 24) // ср. совр. *кытысь* «откуда» (КПРС: 215) при суффиксе *-исъ* (*-исъ*) (КПРС: 599).

6) вступительный — *бѣрде* предлогъ «объ, о, (что)» (Попов, 1785а: л. 6), ср. *бѣрдѣ* (Попов, 1785в: л. 31об.), также *дынѣ* предлогъ «къ ко» (Попов, 1785а: л. 14об.; 1785в: л. 31) // ср. совр. *бердѡ* «к чему-л., по направлению к чему-л.», «у чего-л.», «по чему-л.», «за что-л.» (КПРС: 30), *дынѡ* «к (кому-чему-л.)» (КПРС: 133) при суффиксе *-ѡ* (КПРС: 599).

7) приблизительный — *бѣрланъ* нарѣчіе «назадъ» (Попов, 1785а: л. 4), ср. *бѣрланъ* (Попов, 1785в: л. 27об.) // ср. совр. *бѡрланъ* «назад» (КПРС: 41) при суффиксе *-ланъ* (КПРС: 599).

8) отдалительный — *вёлдорсянь* нарѣчіе «сверху» (Попов, 1785а: л. 6об.), ср. *вёлдорсянь* (Попов, 1785в: л. 27об.), также *кысянсянь* нарѣчіе «откуда» (Попов, 1785а: л. 24), ср. *кысяньсянь* (Попов, 1785в: л. 27об.) // ср. совр. лит. *вёвдёрсянь* [сев. *вёлдёрсянь*] ‘сверху’, ‘с поверхности чего-л.’ (КПРС: 59) и *кысянь* ‘откуда, с какой стороны’ (КПРС: 215) при суффиксе *-сянь* (КПРС: 599).

9) переходный — *бёрты* союзъ «потомъ» (Попов, 1785а: л. 4об.), *бёрты* предл. «попослѣ, позади» (Попов, 1785а: л. 6), ср. *бёрты* «потомъ послѣ» (Попов, 1785в: л. 29) // ср. совр. *бёрти* ‘после, через, спустя’ (КПРС: 42), но суффикс *-õt* (КПРС: 599).

10) предельный — *дынедзь* предлогъ «до» (Попов, 1785а: л. 14об.), ср. *дынэдзь* «до. /кого, чего/» (Попов, 1785в: л. 31об.), «до ево, ихъ» (Попов, 1785в: л. 32) // ср. совр. *дынёдз* ‘до (кого-чего-л.), вплотную (к кому-чему-л.)’ (КПРС: 133) при суффиксе *-ödз* (КПРС: 599).

Видно, что в словарях А. Попова представлены все семь местных падежей, реализующих пространственную семантику, так называемые внутриместные и внешнеместные падежи. При этом в рукописях не удалось обнаружить форм притяжательного, дательного, винительного, соединительного, достигательного и сравнительного падежей, функционирующих в современной падежной системе коми-пермяцкого языка. Нет в работах А. Попова и звательного падежа, который бытовал в прошлом в языке пермяков — по крайней мере он зафиксирован в грамматике Н. А. Рогова (Рогов, 1860: 15). См. примечание А. Попова: «Звательный въ числѣ падежей здѣсь не положенъ для того, что онъ гдѣ случится, всегда въ обѣихъ числахъ одно окончаніе имѣеть с именительнымъ» (Попов, 1785в: л. 5).

Отдельно следует сказать о сравнительном падеже. Среди всех пермских языков данный падеж реализуется только в языке коми-пермяков. Судя по всему, он самый поздний по своему образованию: в северном наречии коми-пермяцкого языка, в коми-зырянском и коми-зырянском языках до сих пор его функции выполняет сравнительный послелог *киня*. То же самое видим и в анализируемых рукописях: *сы́киня* нарѣчіе «сверхъ того» (Попов, 1785а: л. 43; 1785в: л. 29). Данное выражение, пожалуй, следовало перевести как ‘по сравнению с ним’. Вполне возможно, что в том идиоме, который описывал А. Попов, в тот период сравнительный падеж повсеместно еще не употреблялся.

Особое внимание привлекает форма *кысянсянь/кысяньсянь* «откуда» (см. выше п. 8). Здесь можно указать на то, что нижнеиньвенский и оньковский диалекты коми-пермяцкого языка характеризуются интересной особенностью, когда наречия с местоименной k-овой основой подвергаются сильной деформации: корень слова «уходит» и его функции начинает выполнять показатель отдалительного падежа *-сянь*, ср. *сяньсянь* ‘откуда’, *сяньõ* ‘куда’, *сянись* ‘изнутри чего’ и др. Не представляет ли собой *кысянсянь/кысяньсянь* в рукописях А. Попова подобный вариант — с двумя суффиксами отдалительного падежа, но пока присутствующим корневым показателем? При этом в современном коми-пермяцком языке удвоение местных падежных суффиксов в составе одного слова тоже встречается: например, *сэтчинын* наряду с *сэтчин* ‘там, на том месте’, ‘туда, в том направлении’ (КПРС: 466). Также сейчас показатель местного падежа может добавляться к наречиям, не требующим падежного показателя: например, лупьин. *тõнын* ‘вчера’ (Пономарева, 2016: 335) при лит. *тõн* ‘вчера’ (КПРС: 485). Удвоение грамматического и семантического показателя, возможно, служит усилением значения.

Обращаем внимание на непривычный грамматический показатель переходного падежа *-ты*. В современном коми-пермяцком языке семантика данного падежа реализуется формой *-õt*: например, *вөрõt* ‘по лесу’ (отметим, однако, что значение переходного падежа всё же активнее реализуется в составе серийных послелогов: *пызан выл-õt* ‘по поверхности стола’, *пызан дын-õt* ‘возле (около) стола’, *пызан сай-õt* ‘по стороне стола’ и др.). В составе наречий и послелогов в застывшей форме встречается его другая грамматическая форма *-ти*: *вывти* ‘по верху’, *увти* ‘по низу’, *сьõрти* (*шонди сьõрти* ‘по солнцу (ориентироваться)’), которая и была зафиксирована А. Поповым. Считается, что «нынешнее значение переходного па-

дежа (движение «по какому-то месту», «через что-то») кристаллизовалось в общепермскую эпоху (ср. кп. *вóрõт* «по лесу», *сѳõртi* «по», кз. *юõд* «по реке», *видз вывтi* «по лугу», удм. *ульчаети* «по улице»). Однако, истоки суффиксов переходного падежа *-õт* и *-mi* восходят к допермскому времени» (Лыткин, 1962: 197). В той же работе см.: «наречия, образованные от существительных в переходном падеже: *вывтi* «поверху, чересчур», *увтi* «понизу», *мáтi* «понизу», *вылõт* «поверху», *дóрõт* «по краю»» (Лыткин, 1962: 299). В «Исторической морфологии коми языка» В. И. Лыткина также приводятся сразу два показателя — *-õд* (кп. *-õт*) и *-mi* (Лыткин, 1974: 21). Суть гипотезы возникновения двух показателей одного падежа такова: переходный падеж возник в прапермское время, элементы *-д* и *-т* берут начало также из допермского периода — считается, что в то время было два падежа — просектив (*-д*) и транзитив (*-т*) с разными семантическими нюансами. В современном коми языке эти два падежа соединились, но сохранили разное оформление (Лыткин, 1974: 28). Информация о данных формах падежа есть и у Б. А. Серебренникова (Серебренников, 1963: 58–59).

Остается вопрос: почему в рукописном словаре *-ты* [ti] при современном коми-пермяцком *-mi* [ti]? Очевидно, для А. Попова было непривычно после твердого согласного писать *и* — он слышал твердую согласную, но под влиянием русского языка не воспринимал после него [i].

3. Категория лично-притяжательности

Семантика притяжательности в финно-угорских языках реализуется в первую очередь лично-притяжательными суффиксами, этимологически восходящими к личным местоимениям, а также притяжательными местоимениями, в функциональном аспекте являющимися менее активными. Таким образом, лично-притяжательных суффиксов в языке шесть: для обладателей всех трех лиц единственного числа и трех лиц множественного числа. В современном коми-пермяцком языке это следующие суффиксальные морфемы: *-õ* ‘мой’, *-ыт* ‘твой’, *-ыс* ‘его’, *-ным* ‘наш’, *-ныт* ‘ваш’, *-ныс* ‘их’ (КПРС: 600).

При лично-притяжательном склонении, когда в составе слова присутствует и падежный показатель, и лично-притяжательный, в отдельных падежах происходит внешняя трансформация обоих или одного грамматического показателя, например: *ки-си-м* ‘из моей руки’, где вместо привычного показателя исходного падежа *-ись* видим суффикс *-си* и вместо лично-притяжательного суффикса *-õ* — более архаичную форму суффикса *-м*.

Нетривиальным образом в алфавитном словаре А. Попова представлены элементы лично-притяжательного склонения — в составе отдельных слов встречаются и падежный суффикс, и лично-притяжательный, а фонетическая оболочка обоих этих показателей меняется (как если бы они выступали в составе слова по одному). Материалы алфавитного словаря А. Попова демонстрируют не всю парадигму лично-притяжательных показателей: представлены формы притяжательности 1, 2, 3 лица только единственного числа. Все они обнаруживаются в составе серийных послелогов (напомним, что серийные послелогов, образованные от имен существительных, сохраняют показатели их грамматических категорий: числа, части падежей и лично-притяжательности):

1) *бэрамъ бэратъ бэрынъ* предлогъ «позади» (Попов, 1785а: л. 5об.), ср. *бэрамъ* «позади меня насъ», *бэратъ* «позади тебя васъ», *бэрынъ* «позади ево, ихъ» (Попов, 1785в: л. 32об.) // ср. совр. лит. *бõрам* ‘за мной, позади меня’, послелог ‘за [моим...]; [я] за [своим...]', *бõрат* ‘за тобой, позади тебя’, послелог ‘за [твой...], за [твоим...]; [ты] за [свой...]', *бõрын* ‘позади, сзади, в хвосте’, ‘потом, после’, послелог ‘за кем-чем-л.; позади кого-чего-л.’, ‘после чего-л.; через (спустя) какое-то время’ при *бõр* ‘зад, задняя часть чего-л.’, ‘место, находящееся за чем-л.’ (КПРС: 40, 42);

2) *дынамъ* или *дынеттямъ*, *дынатъ* или *дынеттитъ*, *дынэ* или *дынеттисъ* «близъ мимо» (Попов, 1785а: л. 14об.), ср. *дынаⁿ* или *дынэттямъ* «близъ мимо меня, насъ», *дына^m*

или *дынэтитъ* «близъ мимо тебя, васъ», *дынэ* или *дынэтитсь* «близъ мимо ево, ихъ» (Попов, 1785в: л. 31об.) // ср. совр. лит. *дынам* ‘ко мне, [я] к себе; у (около) меня’, послелог ‘к [моему...], [я] к [своему...]; у (около, возле) [моего...], [я] у [своего...]', *дыноттям* ‘около (мимо, возле, вблизи) меня; [я] около себя’, послелог ‘около (возле, мимо, вблизи) [моего...], [я] около (возле, мимо, вблизи) [своего...]', *дынат* ‘к тебе, [ты] к себе; возле (около) тебя, [ты] около себя’, послелог ‘к [твоему...], [ты] к [своему...]; у (около) [твоего...], [ты] у [своего...]', *дынё* ‘к нему; [он] к себе’, послелог ‘к (кому-чему-л.)’ и др. при *дын* ‘место (пространство), прилежающее к чему-л.’ (КПРС: 133, 134).

Подобная картина представлена и в современном языке — все эти формы не претерпели никаких изменений, ни семантических, ни структурных (по сравнению с суффиксом множественного числа имени существительного). Показатели притяжательности демонстрируют первые звуки личных местоимений *ме* ‘я’, *тэ* ‘ты’, *сия* ‘он, она, оно’.

Считаем также, что в слове *ба́бе* «бабушка» (Попов, 1785а: л. 3об.) компонент *-е* является лично-притяжательным суффиксом, и данную лексему следовало перевести как ‘моя бабушка’.

Формы притяжательности множественного числа встречаются в грамматическом очерке А. Попова в парадигме изменений:

1) числительного — *э́тнаныймъ* «одни мы», *э́тнаныйтъ* «одни вы», *э́тнаныйсь* «одни они», *э́тнаснымлэнь* «однихъ насъ», *э́тнасытлэнь* «однихъ васъ», *э́тнасныслэнь* «однихъ ихъ» и т. д. (Попов, 1785в: л. 9об.);

2) усилительно-личного местоимения — *асны^м* и *асланымъ* «свои /у меня/», *аснытъ* или *асланытъ* «свои /у тебя/», *аснысь* и *асланысь* «свои /у него/» и т. д. (Попов, 1785в: л. 13об.).

В этих формах четко проявляются лично-притяжательные суффиксы *-ным*, *-ныт*, *-ныс*, их грамматическая форма и семантика идентична функционирующим показателям и в современном коми-пермяцком языке. Закономерно было увидеть их в серийных послелогох, но у всех них представлено только единственное число.

4. Категория времени

Грамматическая категория времени в коми-пермяцком языке представлена довольно развитой системой, реализующейся в составе глагола многообразием грамматических форм и смысловыми нюансами. Наиболее активны в обозначенной категории формы прошедшего времени. Конечно, спрягаемые формы глагола в переводном словаре не должны присутствовать, но в словарях А. Попова отдельные формы категории времени все же имеются.

Особенностью алфавитного словаря А. Попова является то, что автор все глаголы приводит в двух грамматических формах: в инфинитиве и в форме 1 лица, единственного числа, настоящего (будущего) времени, изъявительного наклонения. При этом русские переводы пермяцких слов обозначены только глаголами в форме настоящего времени: например, *вёрма* *вёрмыны* «побѣждаю» (Попов, 1785а: л. 7). В коми-пермяцком языке (как и во многих других финно-угорских языках) формы настоящего времени и будущего простого времени в 1 и 2 лицах совпадают, однако А. Попов ни разу не перевел глагол в значении будущего времени.

В алфавитный словарь попала глагольная форма настоящего времени 3 лица *кóлэ* *нарѣчие* «должно» (Попов, 1785а: л. 20об.), которую автор ошибочно считает наречием. На самом деле это спрягаемая форма вспомогательного глагола *кóвны* [сев. *кóлны*] ‘требоваться, потребоваться; понадобиться, быть нужным’ (КПРС: 177).

В словарной статье *пóнда* *пóндыны* «зачинаю, начинаю» (Попов, 1785а: л. 36об.) представлена часть сложного будущего времени, которая и сегодня в языке реализуется тем же способом, ср. совр. *понда сёйны* ‘буду есть’, *понда узьны* ‘буду спать’ и т. д.

Смеем предположить, что в алфавитном словаре имеются глаголы в форме неочевидного прошедшего времени, хотя автор переводит их с помощью причастий, например: *ба́гсялема* «заплѣснѣлый» (Попов, 1785а: л. 3об.) (следовало перевести ‘он(а), оказывается, заплесневел(а)’); *чы́кетема* «испорченъ» (Попов, 1785а: л. 49) (следовало перевести ‘он(а), оказывается, испорчен(а)’ и др. Приведенные формы интересны тем, что в современном коми-пермяцком языке причастия с компонентом *-ом* не имеют конечного [а], а вот глаголы в форме прошедшего неочевидного времени могут иметь конечный [а] (но могут и не иметь). Доказательством того, что и в момент написания работы было так же, как и сегодня, является пример *шу́ралемъ* «вялый» (Попов, 1785а: л. 51).

В алфавитном словаре представлены немногочисленные примеры отрицательного спряжения глагола с обозначением того или иного времени: *о́гъ=кыль нѣкыльны* отрицательный глагол «оглушаю» (Попов, 1785а: л. 31об.) (следовало перевести ‘я не слышу’); *о́сьпозь нарѣчје* «несносно» (Попов, 1785а: л. 33) (следовало перевести ‘он(а) не может’) и др.

В работе также показаны отрицательные глаголы без приотрицательной формы: *о́зь* или *э́зь* «не» (Попов, 1785а: л. 32), в которых первый звук и указывает на время — настоящее в первом варианте и очевидное прошедшее во втором.

Выводы

Рассмотренные в статье словоизменительные формы коми-пермяцкого языка, которые нашли отражение в рукописях А. Попова 1785 года, довольно интересны и многоплановы. В большинстве своем они идентичны современным грамматическим формам и грамматическим значениям, однако есть и любопытные особенности.

Суффикс множественного числа имени существительного представлен в рукописях А. Попова более архаичной формой. Вариант [jes], по нашему мнению, архаичнее вариантов [jez] и более того [ez], в пользу чего говорят данные удмуртского (суффикс множественного числа имен существительных [jos]) и коми-зырянского (суффикс [jas]) языков. Во второй половине XX в. глухие и йотированные варианты этого суффикса фиксировались в различных говорах коми языкового континуума.

В рукописях зафиксирован широкий спектр падежных показателей: вместе с номинативом представлены еще десять падежных форм (из них семь — местные падежи, реализующие пространственную семантику, так называемые внутриместные и внешнеместные падежи). Словоизменительные показатели со свойственными им значениями «спрятаны» в составе наречий, серийных послелогов и отчасти числительных, а форму лишительного падежа автор посчитал за самостоятельный предлог и оформил с ним словарную статью. Обращает на себя внимание грамматический показатель переходного падежа *-ты* — в современном коми-пермяцком языке семантика данного падежа реализуется формой *-от*. Все остальные обнаруженные грамматические формы и сегодня употребительны в речи (с учетом, конечно, несоответствий с современными нормами орфографии).

Показатели представленной в работах категории лично-притяжательности сходны с современными семантическими и грамматическими показателями. Данная словоизменительная категория реализуется суффиксами *-мъ* (возм. *-е*), *-тъ*, *-съ*, *-нымъ*, *-нытъ*, *-нысь* (при современных *-о* ‘мой’, *-ыт* ‘твой’, *-ыс* ‘его’, *-ным* ‘наш’, *-ныт* ‘ваш’, *-ныс* ‘их’).

Словоизменительные формы глаголов, зафиксированные в рукописях А. Попова, демонстрируют настоящее, будущее, прошедшее очевидное и прошедшее неочевидное времена; показан фрагмент будущего сложного времени. К сожалению, не удалось обнаружить хотя бы элементы аналитического прошедшего времени. Показатели всех обозначенных времен тождественны соответствующим показателям в современном коми-пермяцком языке.

Как показало исследование, в коми-пермяцком языке рукописных словарей протоиерея Антония Попова отражены особенности, которые сейчас могут считаться диалектными или

архаичными. Настоящая статья является не только некоторым вкладом в изучение финно-угорского рукописного наследия, но и скромным шагом на пути к разработке исторической грамматики коми-пермяцкого языка.

Список условных сокращений:

диал. — диалектное; и. д. — имя действия; кз. — коми-зырянский язык; кп. — коми-пермяцкий язык; лит. — литературное; лупьин. — лупьинский говор мысовско-лупьинского диалекта северного наречия коми-пермяцкого языка; мн. — множественное число; сев. — северное наречие коми-пермяцкого языка; см. — смотри; совр. — современное; ср. — сравни; удм. — удмуртский язык.

Список литературы:

- Баталова Р. М.** Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.
- Баталова Р. М.** Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки) / отв. ред. К. Е. Майтинская. М.: Наука, 1982. 168 с.
- Баталова Р. М.** Диалектная система коми-пермяцкого языка и ее развитие в сравнительном и ареальном освещении. Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1998. 70 с.
- Баталова Р. М., Кривошекова-Гантман А. С.** (сост.) Коми-пермяцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1985. 624 с. (КПРС).
- Лыткин В. И.** Коми кывлӧн историческӧй морфология. Сыктывкар: Изд-во Пермского ун-та, 1977. 86 лб.
- Лыткин В. И.** (ред.) Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология: учебник для высших учебных заведений. Кудымкар: Коми-Пермяцкое книжное изд-во, 1962. 340 с.
- Любимов Ф.** (сост.) Краткія грамматическія правила принадлежащія къ знанію пермятскаго языка составленныя города Соликамска Свято Троицкаго Собора Протоіереемъ Ѳеодоромъ Любимовымъ 1838 года февраля 8-го дня (= Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. V). Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2007. 240 с.
- Оньё Лав** (сост.) Коми гижӧд 1920' воясӧдз. URL: http://wiki.komikyv.org/index.php/Коми_гижӧд_1920'_воясӧдз. Дата последнего изменения: 08.09.2020. Дата обращения: 11.11.2020.
- Пономарева Л. Г.** Речь северных коми-пермяков. Монография. М.: Языки Народов Мира, 2016. 514 с. + цв. илл.: 8 с.
- Пономарева Л. Г., Гайдамашко Р. В.** Рукописный грамматический очерк коми-пермяцкого языка 1785 года: именные части речи // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сборник статей по материалам VI Всероссийской научной конференции финно-угроведов (Ижевск, 4–7 июня 2019 г.) / [отв. ред. М. П. Безенова]. Ижевск: Издательство Анны Зелениной, 2019. С. 46–53.
- Пономарева Л. Г., Грейдан А. В.** Религиозная лексика в коми-пермяцких рукописных словарях 1785 года и особенности её употребления в современном коми-пермяцком языке // Родной язык. 2020. № 1. С. 120–171.
- Попов А.** (сост.) Краткой пермской словарь с російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный города Перми Петро-Павловского Собора Протоіереемъ Антоніемъ Поповымъ 1785 года // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Эрмитажное собр. № 206. 81 л. (Попов, 1785а).
- Попов А.** (сост.) Краткой пермской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по разнымъ матеріямъ расположенный города Перми Петро-Павловского собора Протоіереемъ Антоніемъ Поповымъ 1785 года // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Эрмитажное собр. № 207. 29 л. (Попов, 1785б).
- Попов А.** (сост.) Примечания, принадлежащие к грамматике пермского языка сочиненные города Перми Петро-Павловского собора протоіереемъ Антоніемъ Поповымъ с помощью некоторых пермяков, знающих российский язык, 1785 года // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Эрмитажное собр. № 208. 33 л. (Попов, 1785в).
- Рогов Н. А.** Опыт грамматики пермяцкого языка. СПб.: Императорская Академия Наук, 1860. X + 166 с.
- Серебренников Б. А.** Историческая морфология пермских языков. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. 391 с.
- Rédei K.** Permjakisches Wörterverzeichnis aus dem Jahre 1833 auf Grund der aufzeichnungen F. A. Wolegows. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1968. 139 s.
- Witsen N.** Noord en Oost Tartarye <...>. 2de druk. Deel 1–2. Amsterdam: François Halma, 1705. 984 p. + ill., kaart.

Лобанова Алевтина Степановна, кандидат филологических наук, доцент.

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Ул. Сибирская, д. 24, г. Пермь, Пермский край, 614990.

E-mail: lobanova@pspu.ru

Гайдамашко Роман Валентинович, кандидат филологических наук.

Научный сотрудник.

Институт лингвистических исследований РАН.

Пер. Тучков, д. 9, г. Санкт-Петербург, 199053.

Доцент.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

Набережная реки Мойки, д. 48, г. Санкт-Петербург, 191186.

Старший научный сотрудник.

Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН.

Ул. А. Солженицына, д. 25, г. Москва, 109004.

E-mail: gaidamashko@gmail.com

Материал поступил в редакцию _____ г.

A. S. Lobanova, R. V. Gaydamashko

**MARKERS OF INFLECTIONAL GRAMMATICAL MEANINGS
IN THE KOMI-PERMYAK LANGUAGE OF THE LATE 18TH CENTURY
(BASED ON THE MATERIAL OF ARCHPRIEST ANTONY POPOV'S HANDWRITTEN DICTIONARIES)⁴**

The article presents a fragment of linguistic analysis of monuments of early Komi-Permyak writing — the manuscripts of Archpriest Antony Popov (1748–1788), which are dated 1785 and are currently known as the first fundamental works on Permyak linguistics — grammar sketch and two dictionaries — alphabetical and thematic. These manuscripts have not yet been published and have not been sufficiently studied. The aim of current study is to identify and analyze markers of inflectional grammatical meanings in the Komi-Permyak language of the late 18th century based on the material of the A. Popov's dictionaries. Markers of Komi-Permyak inflectional grammatical meanings of the following categories are considered in comparative and areal aspects: a) number of nouns and adjectives, b) case, c) personal possessiveness, d) tense. Most of them are identical to modern grammatical forms and grammatical meanings, but there are also interesting features.

The plural suffix of the noun is represented in the A. Popov's manuscripts by a more archaic variant [jes] (cf modern [ɛz]). It was recording still in the second half of the 20th century in various dialects of the Komi language continuum, mainly peripheral.

The manuscripts contain a wide range of case markers: along with the nominative, there are ten more case forms (seven of them are local cases that implement spatial semantics, the so-called internal and external cases). Inflectional markers with their own meanings are “hidden” within adverbs, serial postpositions and partly numerals. The marker of abessive case is designed as a separate dictionary entry as a preposition. Attention is drawn to the grammatical marker of the prolative case *-ты* [ti] — in the modern Komi-Permyak language, the semantics of this case is realized by the form *-õm* [ɔt].

Markers of the category of personal possessiveness presented in the manuscripts are similar to modern semantic and grammatical markers. This inflectional category is implemented by the suffixes *-мъ* [mъ] (*-е* [e]), *-тъ* [tъ], *-съ* [sъ], *-нымъ* [nimъ], *-нымъ* [nitъ], *-нысъ* [nisъ] (cf modern *-õ* [ɔ] ‘my’, *-ым* [it] ‘your (SG)’, *-ыс* [is] ‘his’, *-ным* [nim] ‘our’, *-ным* [nit] ‘your (PL)’, *-ныс* [nis] ‘their’).

Inflectional forms of verbs recorded in A. Popov's dictionaries demonstrate present, future, past I and past II tenses. A fragment of compound future tense is shown. It was not possible to detect at least

⁴ The reported study was funded by RFBR according to the research project No 18-012-00774a.

elements of the analytical past tense (perfect). The markers of all these tenses are identical to the corresponding markers in the modern Komi-Permyak language.

This article is not only a contribution to the study of the Finno-Ugric manuscript heritage, but also a modest step towards the development of a historical grammar of the Komi-Permyak language.

Key words: *Komi-Permyak language, manuscripts of the 18th century, grammar, dictionaries, markers of inflectional grammatical meanings, number, case, personal possessiveness, tense.*

References:

- Batalova R. M.** Komi-permyatskaya dialektologiya [Komi-Permyak dialectology]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 252 p. (in Russian)
- Batalova R. M.** Areal'nye issledovaniya po vostochnym finno-ugorskim yazykam (komi yazyki) [Areal studies on Eastern Finno-Ugric languages (Komi languages)]. Ed. by K. E. Maitinskaya. Moscow: Nauka Publ., 1982. 168 p. (in Russian)
- Batalova R. M.** Dialektnaya sistema komi-permyatskogo yazyka i ee razvitiye v sravnitel'nom i areal'nom osveshchenii. Nauchnyi doklad, predstavlenyi v kachestve dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora filologicheskikh nauk [Dialect system of the Komi-Permyak language and its development in comparative and areal coverage. Scientific report presented as a dissertation for the degree of Doctor of Philology]. Moscow, 1998. 70 p. (in Russian)
- Batalova R. M., Krivoshchekova-Gantman A. S.** (comp.) Komi-permyatsko-russkii slovar' [Komi-Permyak-Russian dictionary]. Moscow: Russkii Yazyk Publ., 1985. 624 p. (KPRS). (in Komi-Permyak, Russian)
- Lytkin V. I.** Komi kyvlön istoricheskoi morfologiya [Historical morphology of the Komi language]. Syktyvkar: Perm University Press, 1977. 86 p. (in Komi)
- Lytkin V. I.** (ed.) Komi-permyatskii yazyk. Vvedenie, fonetika, leksika i morfologiya: uchebnyk dlya vysshikh uchebnykh zavedenii [Komi-Permyak language. Introduction, phonetics, vocabulary and morphology: textbook for higher educational institutions]. Kudymkar: Komi-Permyak book publishing house, 1962. 340 p. (in Russian)
- Lyubimov F.** (comp.) Kratkiya grammaticheskaya pravila prinadlezhashchiya k' znaniyu permyatskogo yazyka sostavlenyya goroda Solikamska Svyato Troitskago Sobora Protoiereem" Æeodorum" Lyubimovym" 1838 goda fevralya 8-go dnya (= Trudy Instituta yazyka, istorii i traditsionnoi kul'tury komi-permyatskogo naroda. Vyp. V) [Brief grammatical rules belonging to the knowledge of the Permyak language compiled by the city of Solikamsk Holy Trinity Cathedral Archpriest Feodor Lyubimov 1838 February 8th day (= Proceedings of the Institute of language, history and traditional culture of the Komi-Permyak people)]. Perm: PONITSAA Publ., 2007. 240 p. (in Komi-Permyak, Russian)
- Ön'ö Lav** (comp.) Komi gizhöd 1920' voyasödz [Komi writing until 1920s]. URL: http://wiki.komikyv.org/index.php/Komi_gizhöd_1920'_voyasödz. Last updated: 08.09.2020. Accessed: 11.11.2020. (in Komi-Permyak)
- Ponomareva L. G.** Rech' severnykh komi-permyakov. Monografiya [The speech of northern Komi-Permyaks. Monograph]. Moscow: Yazyki Narodov Mira Publ., 2016. 514 p. + color ill.: 8 p. (in Komi-Permyak, Russian)
- Ponomareva L. G., Gaidamashko R. V.** Rukopisnyi grammaticheskii ocherk komi-permyatskogo yazyka 1785 goda: imennyye chasti rechi [Handwritten grammatical sketch of the Komi-Permyak language in 1785: nominal parts of speech] // Finno-ugorskii mir v poliehtnichnom prostranstve Rossii: kul'turnoe nasledie i novye vyzovy: sbornik statei po materialam VI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii finno-ugrovedov (Izhevsk, 4–7 iyunya 2019 g.) [Finno-Ugric world in the multiethnic space of Russia: cultural heritage and new challenges: collection of articles based on the materials of the 6th All-Russian scientific conference of Finno-Ugrists (Izhevsk, June 4–7, 2019)] / [Ed. by M. P. Bezenova]. Izhevsk: Anna Zelenina Publ., 2019. P. 46–53. (in Russian)
- Ponomareva L. G., Greidan A. V.** Religioznaya leksika v komi-permyatskikh rukopisnykh slovaryakh 1785 goda i osobennosti ee upotrebleniya v sovremennom komi-permyatskom yazyke [Religious vocabulary in the Komi-Permyak manuscript dictionaries of 1785 and features of its use in the modern Komi-Permyak language] // Rodnoi yazyk [Mother Tongue]. 2020. Issue 1. P. 120–171. (in Russian)
- Popov A.** (comp.) Kratkoi permskoi slovar' s rossiiskim perevodom sobranniy i po alfavitu raspolozhennyi goroda Permi Petro-Pavlovskogo Sobora Protojereem Antoniëm Popovym 1785 goda [Short Komi-Permyak dictionary with Russian translation compiled and alphabetically arranged by the archpriest of the Peter and Paul Cathedral in Perm Antony Popov in 1785]. Russian National Library. Manuscript Department. Hermitage coll. No 206. 81 folios. (Popov 1785a) (in Komi-Permyak, Russian)
- Popov A.** (comp.) Kratkoi permskoi slovar' s rossiiskim perevodom sobranniy i po raznym materiyam raspolozhennyi goroda Permi Petro-Pavlovskogo sobora Protojereem Antoniëm Popovym 1785 goda [Short Komi-Permyak dictionary with Russian translation compiled and thematically arranged by the archpriest of the Peter and Paul Cathedral in Perm

Antony Popov in 1785]. Russian National Library. Manuscript Department. Hermitage coll. No 207. 29 folios. (Popov 1785b) (in Komi-Permyak, Russian)

Popov A. (comp.) Primechaniya, prinaldlezhashchie k grammatike permskogo yazyka sochinennye goroda Permi Petro-Pavlovskogo sobora protoiereem Antoniem Popovym s pomoshch'yu nekotorykh permyakov, znayushchikh rossiiskii yazyk, 1785 goda [Notes on Permyak grammar, composed by Perm Peter and Paul Cathedral's Archpriest Antony Popov, with help of some Permyaks knowing Russian language, in 1785]. Russian National Library. Manuscript Department. Hermitage coll. No 208. 33 folios. (Popov 1785v) (in Komi-Permyak, Russian)

Rogov N. A. Opyt grammatiki permyatskogo yazyka [Experience of Permyak grammar]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1860. X + 166 p. (in Komi-Permyak, Russian)

Serebrennikov B. A. Istoricheskaya morfologiya permskikh yazykov [Historical morphology of the Permic languages.]. Moscow: Academy of Sciences of USSR Publ., 1963. 391 p. (in Russian)

Rédei K. Permjakisches Wörterverzeichnis aus dem Jahre 1833 auf Grund der aufzeichnungen F. A. Wolegows [Permyak vocabulary from 1833 based on the records of F. A. Wolegow]. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1968. 139 s. (in Komi-Permyak, German)

Witsen N. Noord en Oost Tartarye <...>. 2de druk. Deel 1–2 [North and East Tartary <...>. 2nd ed. Parts 1–2]. Amsterdam: François Halma, 1705. 984 p. + ill., kaart. (in Dutch)

Lobanova Alevtina Stepanovna, candidate of philology, associate professor.

Perm State Humanitarian Pedagogical University.

24 Sibirskaia st., Perm, Russia, 614990.

E-mail: lobanova@pspu.ru

Gaidamashko Roman Valentinovich, candidate of philology.

Research fellow.

RAS, Institute for linguistic studies.

9 Tuchkov lane, St. Petersburg, Russia, 199053.

Associate Professor.

Herzen State Pedagogical University of Russia.

48 Moika river emb., St. Petersburg, Russia, 191186.

Senior research fellow.

Ivannikov Institute for System Programming of the RAS.

25 Solzhenitsyn st., Moscow, Russia, 109004.

E-mail: gaidamashko@gmail.com